

© 2025. А. А. Юдахин

Московский университет им. А. С. Грибоедова
г. Москва, Россия

Папа Григорий VII в фокусе внимания Ф. М. Достоевского (к вопросу о персонификации «римской идеи»)

Аннотация: Статья посвящена анализу восприятия Ф. М. Достоевским одного из наиболее ярких и выдающихся понтификов Средневековья — папы римского Григория VII. Фигура этого понтифика обретает для писателя существенное значение одновременно в трех проекциях — профессиональной, историософской и художественной. Антикатолическая полемика Достоевского, отразившаяся в эпистолярии, публицистике и романистике писателя, сосредоточивается на обличении «григорианского папства» — того духа и умонастроения, которые привнес в Католическую Церковь именно папа Григорий VII. В сознании Достоевского папа Григорий VII не только ассоциируется с «римской идеей» мировладычества, но и фактически персонифицирует ее, выступая одним из вероятных прототипов Великого инквизитора в романе «Братья Карамазовы». Рассмотрение в исторической перспективе теолого-политической доктрины папы Григория VII, актуализировавшейся в понтификат папы Пия IX, современника Достоевского, позволяет глубже понять и осмыслить историософский и конфессионально-полемический пласты мировоззрения писателя.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, папа Григорий VII, Диктат папы, ультрамонтанство, антикатолическая полемика, «римская идея», человекобожие, Великий инквизитор.

Информация об авторе: Артем Александрович Юдахин, кандидат филологических наук, Московский университет им. А. С. Грибоедова, ш. Энтузиастов, д. 21 г., 111024 Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4552-859X>

E-mail: Artemyudakhin@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.10.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 20.01.2025

Дата публикации статьи: 25.03.2025

Для цитирования: Юдахин А. А. Папа Григорий VII в фокусе внимания Ф. М. Достоевского (к вопросу о персонификации «римской идеи») // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 1. С. 264–281. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-264-281>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 264–281. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 1, 2025, pp. 264–281. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Artem A. Yudakhin

A. S. Griboyedov Moscow University
Moscow, Russia

Pope Gregory VII in the Focus of F. M. Dostoevsky's Attention (On the Question of the Personification of the “Roman Idea”)

Abstract: The article is devoted to the analysis of F. M. Dostoevsky's perception of one of the most prominent and outstanding pontiffs of the Middle Ages, Pope Gregory VII. The figure of this pontiff acquires significant significance for the writer in confessional, historiosophical, and artistic projections at the same time. Dostoevsky's anti-Catholic polemics, reflected in the writer's epistolary, journalism and novelistic writings, focus on denouncing the “Gregorian papacy” — the spirit and mentality that Pope Gregory VII brought to the Catholic Church. In Dostoevsky's mind, Pope Gregory VII is not only associated with the “Roman idea” of world domination but also actually personifies it, acting as one of the probable prototypes of the Grand Inquisitor in the novel *The Brothers Karamazov*. A historical perspective examination of the theological-political doctrine of Pope Gregory VII, which became relevant during the pontificate of Pope Pius IX, a contemporary of Dostoevsky, allows us to more deeply understand and comprehend the historiosophical and confessional-polemical layers of the writer's worldview.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Pope Gregory VII, the Dictate of the Pope, ultramontanism, anti-Catholic polemic, the “Roman idea,” the man-God, the Grand Inquisitor.

Information about the author: Artem A. Yudakhin, PhD in Philology, A. S. Griboyedov Moscow University, Enthusiastov St., 21, 111024 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4552-859X>

E-mail: Artemyudakhin@yandex.ru

Received: October 11, 2024

Approved after reviewing: January 10, 2025

Published: March 25, 2025

For citation: Yudakhin, A. A. “Pope Gregory VII in the Focus of F. M. Dostoevsky's Attention (On the Question of the Personification of the ‘Roman Idea’).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 1, 2025, pp. 264–281. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-1-264-281>

Как известно, религиозно-конфессиональная проблематика, наряду с философской, историософской и геополитической, занимает в творчестве Ф. М. Достоевского одно из центральных мест. Особое внимание русский писатель уделяет полемике с католичеством. Начиная с периода публикации журналов «Время» (1861–1863) и «Эпоха» (1864–1865), оппозиция католицизм — православие выступает в качестве узловой проблемы всего последующего творчества Достоевского. Антикатолические пассажи в эксплицитной или имплицитной форме присутствуют во всех романах «великого пятикнижия» Достоевского, критика папства и зреющего всемирного «католического заговора» является одной из главных тем «Дневника писателя». Антикатолическая тематика присутствует также в эго-документах писателя, его записных тетрадях, черновых заметках к романам.

Особое значение в критике католичества и папства для Достоевского имел концепт, обозначенный самим писателем как «римская идея». В 1877 г. в одной из статей «Дневника писателя» Достоевский писал: «...древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и первый думал ... практически ее выполнить в форме всемирной монархии» [Достоевский 25: 151]. Римский дух универсализма и панэтизма после падения Западной Римской Империи не исчез бесследно, по мнению писателя, воплотился в Римско-Католической Церкви, а точнее — перевоплотился в Западную Церковь. Именно этим обстоятельством и обусловлена та крайне жесткая и непримиримая позиция Достоевского в отношении папского католичества, которое русский писатель обвинял в апостасии и человекобожии [Юдахин: 573–581]. Немецкий философ В. Шубарт конкретизирует те идейные аспекты римского имперского влияния, с которыми Достоевский полемизирует на протяжении всего постсибирского творчества. Это — идеал сильной личности и идеал государства насилия, происходящие «от латинских идеалов цезаризма и империи» [Шубарт: 180]. Однако идеи в

творческом сознании Достоевского не живут сами по себе в качестве отвлеченных абстракций, напротив, они в прямом смысле слова имеют тенденцию к одушевлению и воплощению в пределах конкретной исторической или художественной личности. Отгалкиваясь от тезисов М. М. Бахтина о том, что для Достоевского «каждое мнение словно становится живым существом» [Бахтин: 23], «мир Достоевского глубоко персоналистичен ... всякую мысль он воспринимает и изображает как позицию личности» [Бахтин: 15], предположим, что римская идея «насильственного единения человечества» [Достоевский 25: 7] в контексте истории Римско-Католической Церкви также имела для писателя свою персонификацию. Речь идет о папе Григории VII (ок. 1020–1085), понтификат которого пришелся на XI столетие.

Достоевский прямо упоминает папу Григория VII в романе «Братья Карамазовы» в эпизоде беседы Петра Миусова с отцом Паисием о соотношении государства и Церкви. Отец Паисий, среди прочего, говорит о христианстве на Западе следующее:

Во многих случаях, там церквей уж и нет вовсе, а остались лишь церковники и великолепные здания церквей, сами же церкви давно уже стремятся там к переходу из низшего вида, как церковь, в высший вид, как государство, чтобы в нем совершенно исчезнуть ... в Риме же так уж тысячу лет вместо церкви провозглашено государство [Достоевский 14: 60–61].

Миусов, поняв в прямо противоположном смысле идею отца Паисия об обращении государства в Церковь, восклицает:

Да что же это в самом деле такое? устраняется на земле государство, а церковь возводится на степень государства! Это не то что ультрамонтанство, это архиультрамонтанство! Это папе Григорию Седьмому не мерещилось! [Достоевский 14: 61].

Этот небольшой и, на первый взгляд, малопримечательный эпизод, имеет важное значение как в контексте антикатолической полемики писателя, так и в контексте историософских размышлений Достоевского.

В последнем романе «великого пятикнижия» папа Григорий VII упоминается наряду с такими ключевыми для нашей темы понятиями-

ми как «ультрамонтанство» и «архиультрамонтанство». Возникшая в Средние века внутри Католической Церкви идеология ультрамонтанства (*лат.* *ultra montes* — «за горами», т. е. за Альпами) утверждала абсолютное владычество римских пап как в церковной, так и в светской (международно-политической) сферах. В частности, ультрамонтаны полагали, что «папа даже в светских делах должен стоять выше королей и правительств вообще» [Водовозов: 715], т. е. что римский понтифик является не только духовным руководителем католиков, но и европейским и, потенциально, всемирным супермонархом. Доктрина о папской духовной и светской супрематии предельно четко сформулирована уже в XI в. в документе под названием “*Dictatus papae*” (*лат.* «Повеления папы»), авторство которого приписывают папе Григорию VII. Текст «Диктата папы», состоящий из 27 положений, полностью приведен в исследовании венгерского ученого Е. Гергея «История папства». Среди прочих тезисов папы Григория VII выделяются следующие:

8. Один папа может носить императорские регалии.
9. Все князья должны целовать ногу только у папы.
12. Папа вправе низлагать императоров.
16. Без распоряжения папы нельзя созывать вселенский собор.
18. Никто не вправе изменить решения папы, пока он сам не внесёт в него соответствующие изменения.
19. Никто не имеет права судить папу.
23. Римский папа, если он был избран в соответствии с канонами, с учётом заслуг Святого Петра, несомненно, станет святым, как это подтвердил епископ Павии Святой Эннодий, и с ним в этом были согласны многие святые отцы, это можно найти в декретах Святого Симмаха [Гергей: 100–101].

Однако в своей радикальной и бескомпромиссной церковно-политической доктрине папа пошел еще дальше. Григорий VII полагал, что европейские правители являются «непосредственными вассалами “апостольской” кафедры, из рук представителя которой они получают на ленных началах княжеское, королевское и императорское право, принося папе ленную присягу вассальной верности» [Лозинский]. Вассалами Святого Престола признали себя норманнские герцоги, правители Арагона и Хорватии. Свои сюзеренные права папа Григорий VII

предъявил на владения Венгрии. Дж. Норвич, анализируя содержание «Диктата папы», резюмирует: «никогда прежде концепция церковной автократии не заходила так далеко; никогда прежде она не формулировалась в столь решительных выражениях» [Норвич: 146]. Ф. К. Шлоссер в своей «Всемирной истории» пишет о том, что в папском декрете «принцип папского всемогущества доведен до крайности» [Шлоссер 2: 596]. Свидетельство немецкого историка особенно ценно тем, что восьмитомное сочинение Шлоссера находилось в библиотеке Достоевского [Библиотека Ф. М. Достоевского: 147], а сам писатель, хорошо с ним знакомый, упоминает этот исторический труд в романе «Идиот» [Достоевский 8: 423]. «Всемирная история» являлась для Достоевского важным и ценным источником информации о различных периодах европейской истории, а также о наиболее важных персонажах-творцах истории Европы. В частности, именно из этой книги писатель мог почерпнуть сведения о средневековых римских папах, в частности, о понтифике Григории VII, биографии которого посвящены три параграфа во втором томе «Истории» Шлоссера [Шлоссер 2: 578–609].

Как известно, претензии папы Григория VII на абсолютную политическую власть в Европе привели его к конфликту с императором Священной Римской империи германской нации Генрихом IV — в 1075 г. вспыхнула борьба за инвеституру, т. е. за право назначения епископов и аббатов. Конфликт папы и императора совпал с усилением сепаратистских тенденций внутри Империи, чем понтифик и воспользовался. Григорий VII пошел на беспрецедентный шаг: в феврале 1076 г. понтифик отлучил кайзера от Церкви и предал его проклятию. Кроме того, Григорий VII лишил Генриха королевской власти и освободил подданных императора от присяги. Кризис власти в Империи, церковная изоляция и угроза восстания феодалов подтолкнула кайзера к унижительному шагу. Генрих вместе с женой и ребенком в сопровождении свиты пересек Альпы и прибыл к небольшому, но укрепленному замку итальянской маркграфини Матильды Тосканской в местечке под названием Каносса. Папа Григорий VII, друг и союзник Матильды, гостил в это время в замке. Лишенный права личной аудиенции, император Генрих IV, во исполнение епитимии, в одежде кающегося грешника три дня и три ночи провел у ворот крепости, соблюдая строгий пост. Именно эта сцена стала кульминацией того, что в европейской историографии получило название «хождение в Каноссу».

Примечательно, что именно в контексте этого события папа Григорий VII, пусть и не названный по имени, фигурирует в романе «Идиот». Настасья Филипповна, ссылаясь на «Всемирную историю» Ф. Шлоссера, пересказывает основной сюжет «хождения» Парфену Рогожину: «Был такой один папа и на императора одного рассердился, и тот у него три дня, не пивши, не евши, босой, на коленках, пред его дворцом простоял, пока тот ему не простил» [Достоевский 8: 176]. Далее, приводя строки из стихотворения Ф. Шиллера «Генрих» (редакция 1843 г.), Настасья Филипповна сообщает Рогожину, какие мысли владела императором все три дня унижительного покаяния: «...император в эти три дня заклинался отомстить тому папе» [Достоевский 8: 176]. Психологический подтекст приведенного Настасьей Филипповной сюжета из истории европейского Средневековья очевиден: Парфен Рогожин, подобно кайзеру Генриху, выжидает момент, чтобы отомстить измучившей его душу и сердце возлюбленной [Достоевский 9: 440–441]. Однако, на наш взгляд, этим обстоятельством функция упомянутого сюжета не исчерпывается. «Хождение в Каноссу» выступает в качестве своеобразного образно-символического коррелята и одновременно исторической иллюстрации к тезису князя Мышкина о том, что в католичестве всё, начиная с веры, подчинено мысли о всемирном владычестве римских понтификов [Достоевский 8: 450–451].

Отметим следующее важное обстоятельство: именно властные амбиции и теолого-политическая доктрина Григория VII сделали католицизм тем, против чего так яростно полемизировал Достоевский, поскольку, как отмечает Е. Гергей, «в концепции григорианского папства место имперской идеи Карла Великого заняла вселенская (церковная и светская) верховная власть папы» [Гергей: 100]. Папа Григорий VII, бывший для Достоевского как бы живым воплощением «римской идеи», в своих действиях в качестве понтифика (канонические реформы, борьба за инвеституру, дипломатические и политические инициативы и пр.) руководствовался идеей построения Царства Божьего на земле. Русский историк-медиевист А. С. Вязигин в обширном биографическом очерке «Григорий VII. Его жизнь и общественная деятельность» формулирует моноидею папы Григория VII как «установление царства Божьего на теократических основах» [Вязигин]. В другом месте очерка автор уточняет и конкретизирует программу понтифика: «утвердить “царство Бога на земле”, поставив папство во главе всех сил

мира» [Вязигин]. Теократический идеал в представлении Григория VII отождествлялся с политической программой построения всемирной империи. Другой историк-медиевист, современник Вязигина М. С. Корелин, пишет:

Наместник Христа хотел иметь свою собственную территорию, свою администрацию, свою военную силу, и, притом, в таких размерах, как никакой другой государь. Папа желал повелевать, во-первых, всем миром на правах земного бога, и, во-вторых, половиной Западной Европы на правах светского государя [Корелин: 81].

Современный исследователь Е. И. Майорова также подтверждает теократически-имперские устремления Григория VII:

Григорию казалось, что с утверждением власти папы, с установлением ее господства над всеми земными властями воцарится на земле Царство Божье, и он пылал жадной спасти человечество, хотя бы насильственными мерами, к которым очень любил прибегать [Майорова: 167].

Таким образом, именно в понтификат Григория VII был запущен процесс «империализации Церкви» [Пападакис, Мейендорф: 81], т. е. трансформации духовного сообщества христиан как *communio sanctorum* в священную всемирную империю. Подобная аберрация религиозного сознания, искажение христианской парадигмы, имела далеко идущие последствия. Церковь как *ecclesia*, собрание верующих, превратилась в *corporatio* — принципиально иерархическую структуру, подчиненную викарию Христа [Пападакис, Мейендорф: 77]. Духовный идеал Царства Божьего также претерпел изменение, обмирщаясь и становясь лишь вариацией на тему всемирного государства. Исходя из приведенного фрагмента, «григорианское папство» вполне допускало применение насилия как в целях достижения власти, так и в последующей реализации властных полномочий римскими понтификами. Подчеркнем, что церковно-имперский проект Григория VII имел не только теологическое обоснование, но и провиденциальную и, в некотором смысле, мессианскую направленность. Исключительность и универсальность Римской Церкви подтверждалась «Диктатом папы», а ее всемирно-организующая роль не имела и не могла иметь аналогов в истории.

Многочисленные инвективы Достоевского в адрес католицизма, расположенные на страницах «Дневника писателя», необходимым образом отсылают читателя к деятельности, мыслям и идеям папы Григория VII. Приведем лишь некоторые из них: католичество «все Христово дело ... обратило лишь в заботу о земном владении своем и о будущем государственном обладании всем миром» [Достоевский 26: 90]; «римскому католицизму (слишком уж ясно это) нужен не Христос, а всемирное владычество» [Достоевский 25: 160]; «в западной половине ... Церковь уничтожилась и перевоплотилась уже окончательно в государство ... папство — продолжение древней Римской империи в новом воплощении» [Достоевский 26: 169]. Отметим также, что именно к Григорию VII восходит известная средневековая теория двух мечей, в рамках которой духовная власть объявлялась превалирующей над светской [Чичерин: 142–143]. Вопрос о том, не является ли приведенная нами выше фраза князя Мышкина о средневековом папстве («папа захватил землю, земной престол и взял меч») отсылкой к теории двух мечей, мы оставляем открытым. Однако Достоевский, несомненно, знал о существовании данной концепции.

Еще одна интересная аллюзия к образу папы Григория VII звучит в словах Достоевского, помещенных в рубрике «Иностранные события» «Дневника писателя» за октябрь 1873 г.:

Рим сумеет обратиться к народу, к тому самому народу, который римская церковь всегда и высокомерно от себя отталкивала и от которого скрывала даже Евангелие Христово, запрещая переводить его [Достоевский 21: 202].

В одном из писем, адресованных чешскому князю Вратиславу II, папа Григорий VII строжайшим образом воспрещает перевод Священного Писания и богослужения на славянский язык: «...мы запрещаем, в силу полномочий св. Петра, совершение богослужения на славянском языке и предписываем тебе всеми силами противиться этой нелепости» [Вязигин]. О позиции понтифика по этому вопросу Достоевский мог прочитать во «Всемирной истории» Шлоссера [Шлоссер 2: 601–602].

Таким образом, папа Григорий VII, названный одним из современников «святым сатаной» [Вязигин], предстал в сознании Достоевско-

го в качестве живого воплощения, персонификации идеи абсолютной власти над миром и человеком. Римский понтифик, наместник Бога на земле (*vicarius Christi*), обладающий святостью и непогрешимостью, приобретал в сознании средневековых христиан статус сверхчеловека, полубога. Медиевист П. М. Бицилли подтверждает данную точку зрения: «Григорий VII искренне верил, что человек, ставши папой, перерождается, меняет свою духовную природу, становится медиумом, через которого действует св. Петр» [Бицилли 1: 89]. Реактуализация «римской идеи» папой Григорием VII в XI столетии, ее индоктринация в католическую богословскую мысль исказили западное христианство, превратив его, по мнению Достоевского, в мощную квазирелигиозную политическую идеологию. Самых могущественных римских пап Средневековья — понтификов Григория VII, Иннокентия III и Бонифация VIII объединяло то, что все они преследовали «мировластные цели» [Гергей: 100].

Казалось бы, время папской средневековой пантократии осталось в прошлом, Новое время и Реформация нанесли сильнейший удар по амбициям Католической Церкви и римских понтификов. Однако в XIX в. Достоевский наблюдал не что иное, как воскрешение «григорианского папства» и духа ультрамонтанства в лице понтифика Пия IX. Более того, папа Пий IX, подобно своему предшественнику в XI столетии, вступил в жесткую конфронтацию с современным «бездуховным» миром. В частности, Пий IX выступил против ликвидации светской власти римских понтификов. Упомянутая князем Мышкиным папская формула категорического отказа “*Non possumus*” (лат. — «мы не можем») фактически стала стержневым элементом выстраиваемой понтификом политики взаимоотношения с появившимся в 1861 г. на карте Европы новым государством — королевством Италия. Следуя духу «григорианского папства», Пий IX уверенно отождествляет церковную и светскую сферы интересов Папского престола. В энциклике “*Rescriptentes*” (1870) папа заявляет, что никогда не согласится на примирение или соглашение с Италией, которое каким-либо образом умалит его права как светского правителя Папского государства. В частности, в качестве аргумента понтифик ссылается на высказывание своего предшественника, папы Пия VII. Приведем это характерное высказывание полностью:

Совершить насилие над этой высшей властью Апостольского Престола, отделить его светскую власть от его духовной власти, отмежеваться, отделить силой и лишить обязанностей пастора и князя — это не что иное, как опрокинуть и разрушить дело Божье. Это не что иное, как попытка нанести религии наибольший ущерб и лишить ее наиболее эффективной защиты [Pius IX].

Подобно Григорию VII в «Диктате папы», Пий IX постулирует свой особый сакральный статус как понтифика и викария Христа, употребляя следующую фразу: «Мы занимаем Его (прим. автора — Бога) место на земле» [Pius IX]. И, опять-таки, подобно Григорию VII, Пий IX прибегает к отлучению как методу духовного и общественно-политического воздействия на оппонента, в данном случае — на короля Виктора-Эмануила II, его советников и командиров, а также итальянских солдат, захвативших Рим в сентябре 1870 г. В Пие IX, за деятельностью которого Достоевский внимательно следил на протяжении последних двадцати лет жизни, оживал дух средневекового «воинствующего католицизма» [Достоевский 26: 12], независимого и бескомпромиссного, готового на реванш.

Наступательная тактика папы Пия IX реализовалась, главным образом, в сфере вероучения. В 1864 г. в качестве приложения к энциклике “*Quanta Cura*” был опубликован “*Syllabus Errorum*” — «Список важнейших заблуждений нашего времени». Согласно тексту «Силлабуса», папа Пий IX, во-первых, объявил религиозно-обязательным для всякого верующего католика признание за понтификом светского владычества и, во-вторых, оставил за Церковью право применения насилия (*vis inferendae*) [Арсеньев: 86–87]. В контексте разворачивавшегося в 1850–1860-е гг. процесса объединения Италии подобный акцент оказывался вовсе не случайным. Для Достоевского папа Пий IX, равно как и Григорий VII, был выразителем и идеологом «римской идеи», которая, как замечает писатель, «никогда и не умирала в римском католичестве» [Достоевский 22: 89]. В понтификат Пия IX реализация «римской идеи» также как и в XI столетии имела двойную направленность — внутрицерковную и политическую. Именно при папе Пие IX было окончательно утверждено и догматизировано учение о папском примате. Согласно принятой на I Ватиканском Соборе догматической конституции “*Pastor aeternus*” (1870), всякое утверждение понтифика, затрагивающее во-

просы веры и нравственности, сделанное им официально *ex cathedra*, объявлялось безошибочным и обязательным для принятия верующими католиками. Помимо собственно вероучительного значения, догмат о папской непогрешимости имел еще и мощный политический потенциал. Протоиерей Серий Булгаков уточняет, что «всякий вопрос или прямо имеет, или может получить при обострении своем значение веро- или нравоучительное» [Булгаков: 28–29], иными словами любое событие или действие, в том числе политического характера, могло быть интерпретировано папой как относящееся к сфере веры и нравственности (*de fide et moribus*). Комментируя принятые в духе «григорианского папства» решения I Ватиканского Собора, а также заявления понтифика Пия IX, Достоевский в январе 1874 г. пишет: «Папское “*Non possumus*” мы считаем настолько серьезным, что воплощаем в нем жизнь и смерть самой религии в Европе» [Достоевский 21: 243]. Нанося, с точки зрения писателя, непоправимый ущерб западному христианству, официальная позиция Святого Престола и действия папы Пия IX тем не менее способствовали укреплению политических позиций Ватикана.

Как наиболее яркий идеолог (и практик!) концепции всемирной папской теократии папа Григорий VII в исторической ретроспективе является непосредственным предшественником Великого инквизитора. В беседе с Иваном Алеша Карамазов, несомненно, огрубляет и упрощает мотивы римских первосвященников — продолжателей дела Григория VII: «Самое простое желание власти, земных грязных благ, порабощения... вроде будущего крепостного права, с тем что они станут помещиками... вот и всё у них» [Достоевский 14: 237]. Вопреки словам Алеши, римские понтифики вдохновлялись высокой идеей построения справедливого христианского общества, однако, «поняв христианство как новую политическую теократию, наподобие ветхозаветной, католицизм при своей объединительной деятельности выступил не столько в качестве церковной власти, сколько в качестве могущественной империи, имеющей поглотить все народы и государства» [Воейков]. Согласно Л. П. Карсавину, «католическая идея церкви лучше всего может быть охарактеризована как идея единства человечества, царствующего над миром во Христе» [Карсавин: 14]. Искажение идеала, его обмирщение связано, по мнению Достоевского, с политизацией католичества, начало которого было положено в VIII столетии. Об этом Великий инквизитор прямо говорит Христу:

Ровно восемь веков назад как мы взяли от него (дьявола — *прим. автора*) то, что ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал тебе, показав тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию [Достоевский 14: 234].

Речь идет о «Пипиновом даре» (754 г.) — передаче во владение римским понтификам отвоеванных франкским майордомом Пипином Коротким у лангобардов земель в Центральной и Южной Италии. М. В. Дылевский отмечает, что именно это событие придало особый импульс светским и политическим притязаниям средневековых пап [Дылевский: 50], среди которых был и Григорий VII. Достоевский в «Легенде» проводит свой главный антикатолический аргумент: связав себя земными политическими интересами, Католическая Церковь выхолащивала собственное христианское содержание и предалась дьяволу. В мировоззрении писателя Церковь и государство предстают двумя принципами человеческого бытия, противоположными по своей природе, а потому грех католицизма, по Достоевскому, заключался прежде всего в его огосударствлении.

Светское владычество Церкви как феномен истории Западной Европы представлялось Достоевскому фатальным *contradictio in adjecto* уже хотя бы потому, что как верно заметил митрополит Антоний (Храповицкий), каждый государь «поневоле является палачом, как утверждающий смертные приговоры, объявляющий войну и руководящий ею, т. е. целою системою убийств» [митр. Антоний (Храповицкий): 157]. Причем для Достоевского эта проблематика оставалась актуальной, поскольку писатель еще застал существование независимой Папской области. Великий инквизитор в притче Ивана Карамазова прототипически соотносим с Григорием VII и его претензией на всемирное политическое господство, однако в его системе Бог совершенно выносятся за скобки:

Центральной задачей Великого инквизитора является именно постороннее спасение человечества, и его проект является прежде всего попыткой «устроения Царства Божьего на земле без Бога» (как его впоследствии охарактеризует Бердяев) [Харитонов: 103].

В этом смысле квазирелигиозное государство инквизитора является ничем иным, как логическим завершением идеи «григорианского папства» в его радикально-обмирщенном прочтении — папская теократия оборачивается тем, что Г. Бошамп именует «секуляризированной теократией» или даже «сатанократией» [Beauchamp: 141]. Образы папы Григория VII и Великого инквизитора сходятся также и в морфопоэтической проекции. Амбивалентность и внутренняя противоречивость отличают как Григория VII («святой сатана»), так и Великого инквизитора (самоотверженный аскет-отшельник, человеколюбец/человеконенавистник). Духовная конституция и психологическое устройство двух героев также схожи (моноидеизм, воля к власти, самообожествление).

Как идея установления всемирной государственной власти, «римская идея» наиболее полно выразилась в концепции папской средневековой пантократии, одним из важных идеологов и проводников которой был папа Григорий VII. Идеи сверхчеловека и универсального государства в контексте европейского Средневековья генетически восходят именно к теологическим и общественно-политическим воззрениям папы Григория VII. В связи с этим в творческом сознании Достоевского понтифик Григорий VII стал своеобразной персонификацией «римской идеи». Анализ воззрений и деяний Григория VII и его идейного преемника Пия IX (современника русского писателя) позволяет выявить дополнительные черты и характеристики «римской идеи», с которой так непримиримо полемизирует Достоевский на протяжении всего послекаторжного творчества. Обращение к историческому контексту помогает понять те сюжетные решения, к которым прибегает писатель (упоминание эпизода «хождения в Каноссу» в «Идиоте», ультрамонтанства и папы Григория VII в «Братьях Карамазовых»).

Список литературы

Источники

- Антоний (Храповицкий), митр. Словарь к творениям Достоевского. Не должно отчаиваться. София: Российско-Болгарское книгоизд-во, 1921. 185 с.
- Арсеньев Н. Православие. Католичество. Протестантизм. Париж: YMCA-Press, 1948. 145 с.
- Булгаков С., прот. Очерки учения о Церкви. 4. Ватиканский догмат (Окончание) // Путь. 1929. № 16. С. 19–49.
- Водовозов В. В. Ультрамонтаны // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 82 т. / под ред. К. К. Арсеньева и проф. Ф. Ф. Петрушевского. СПб.: Тип. Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1902. Т. XXXIVа. С. 715–716.
- Вязигин А. С. Григорий VII. Его жизнь и общественная деятельность. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1891. 104 с.
- Карсавин Л. П. Католичество. Петроград: Огни, 1918. 151 с.
- Корелин М. О. Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб.: Акц. Общ. Брокгауз-Ефрон, 1901. 159 с.
- Pius IX, pope. Respicientes. Protesting the Taking of the Pontifical States. Papal Protests against Usurpations. URL: <https://www.papalencyclicals.net/Pius09/p9respic.htm> (дата обращения: 19.11.2023).
- Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Шлоссер Ф. К. Всемирная история в 8 т. СПб.; М.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1868–1877.

Исследования

- Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 2000. Т. 2. 798 с.
- Библиотека Ф. М. Достоевского: опыт реконструкции. Научное описание. СПб.: Наука, 2005. 338 с.
- Бицилли П. М. Избранное. Историко-культурологические работы. София: Унив. изд-во «Св. Климент Охридски», 1993. Т. 1. 395 с.
- Воейков Н. Н. Церковь, Русь, и Рим. Глава IV. Рим в Средние века. 1. Григорий VII, Иннокентий III и инквизиция. Минск: Лучи Софии, 2000. 653 с.
- Гергей Е. История Папства. М.: Республика, 1996. 462 с.
- Дылевский М. В. Примат римского папы: предпосылки, значение и критика // Новосибирский временник. 2022. № 1 (5). С. 48–56.
- Лозинский С. Г. История Папства. М.: Изд-во политической литературы, 1986. 387 с.
- Майорова Е. И. Викарии Христа: папы Высокого Средневековья. С 858 г. до Авиньонского пленения. М.: Вече, 2015. 381 с.
- Норвич Дж. История папства. М.: АСТ, 2014. 606 с.
- Пападакис А., Мейендорф, И., прот. Христианский Восток и возвышение папства: Церковь в 1071–1453 гг. М.: Изд-во ПСТГУ, 2010. 629 с.

Русская литература XVIII–XIX столетий

А. А. Юдахин. Папа Григорий VII в фокусе внимания Ф. М. Достоевского
(к вопросу о персонификации «римской идеи»)

Харитонов Т. И. Образ Великого инквизитора в государстве и в революции. Политическая теология Ф. М. Достоевского и Н. А. Бердяева // Социология власти. 2022. № 2. С. 96–124. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-2-96-124>

Чичерин Б. Н. История политических учений в 3 т. СПб.: РХГА, 2006. Т. 3. 720 с.

Шубарт В. Европа и душа Востока. Взгляд немца на русскую цивилизацию. М.: Родина, 2023. 384 с.

Юдахин А. А. «Знаете ли, я думал отдать мир папе...»: антикатолический пласт романа Ф. М. Достоевского «Бесы» // Неофилология. 2023. № 35. С. 573–582. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-573-582>

Beauchamp G. “The Legend of the Grand Inquisitor”: The Utopian as Sadist // Humanita. 2007. № 20 (1, 2). P. 125–151.

References

Bakhtin, M. M. “Problemy tvorчества Dostoevskogo” [“Problems of Dostoevsky’s Work”]. Bakhtin, M. M. *Sobranie sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.], vol. 2. Moscow, Russkie slovari Publ., 2000. 798 p. (In Russ.)

Biblioteka F. M. Dostoevskogo: opyt rekonstruktsii. Nauchnoe opisanie [The Library of F. M. Dostoevsky: An Experiment in Reconstruction]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 338 p. (In Russ.)

Bitsilli, P. M. *Izbrannoe. Istoriko-kul'turologicheskie raboty* [Selected Works. Historical and Cultural Studies], vol. 1. Sofia, Universitetskoye izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski” Publ., 1993, 395 p. (In Russ.)

Voeikov, N. N. *Tserkov', Rus', i Rim. Glava IV. Rim v Srednie veka. 1. Grigorii VII, Innocentii III i inkvizitsiia* [The Church, Rus', and Rome. Chapter IV. Rome in the Middle Ages. 1. Gregory VII, Innocent III, and the Inquisition]. Minsk, Luchi Sofii Publ., 2000. 653 p. (In Russ.)

Gergei, E. *Istoriia Papstva* [History of the Papacy]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 462 p. (In Russ.)

Dylevskii, M. V. “Primat rimskogo papy: predposylki, znachenie i kritika” [“Primacy of the Pope: Prerequisites, Significance and Criticism”]. *Novosibirskii vremennik*, no. 1 (5), 2022, pp. 48–56. (In Russ.)

Lozinskii, S. G. *Istoriia Papstva* [History of the Papacy]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ., 1986. 387 p. (In Russ.)

Maiorova, E. I. *Vikarii Khrista: papy Vysokogo Srednevekov'ia. S 858 g. do Avin'onskogo pleniia* [Vicars of Christ: Popes of the High Middle Ages. From 858 to the Avignon Captivity]. Moscow, Veche Publ., 2015. 381 p. (In Russ.)

Norvich, Dzh. *Istoriia papstva* [History of the Papacy]. Moscow, AST Publ., 2014. 606 p. (In Russ.)

Papadakis, A., and I. Meiendorf, archpriest. *Khristianskii Vostok i vozvyshenie papstva: Tserkov' v 1071–1453 gg.* [The Christian East and the Rise of the Papacy: The Church in 1071–1453]. Moscow, Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities Publ., 2010. 629 p. (In Russ.)

Kharitonov, T. I. “Obraz Velikogo inkvizitora v gosudarstve i v revoliutsii. Politicheskaiia teologiia F. M. Dostoevskogo i N. A. Berdiaeva” [“The Image of the Grand Inquisitor in the State and in the Revolution. Political Theology of F. M. Dostoevsky and N. A. Berdyaev”]. *Sotsiologiia vlasti*, no. 2, 2022, pp. 96–124. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-2-96-124> (In Russ.)

Chicherin, B. N. *Istoriia politicheskikh uchenii v 3 t.* [History of Political Doctrines in 3 vols.], vol. 3. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2006. 720 p. (In Russ.)

Shubart, V. *Evropa i dusha Vostoka. Vzgliad nemtsa na russkuiu tsivilizatsiiu* [Europe and the Soul of the East. A German's View of Russian Civilization]. Moscow, Rodina Publ., 2023. 384 p. (In Russ.)

Iudakhin, A. A. “Znaete li, ia dumal otdat' mir pape...: antikatolicheskii plast romana F. M. Dostoevskogo ‘Besy’.” [“You Know, I Thought of Giving the World to the Pope...:”

Русская литература XVIII–XIX столетий

А. А. Юдахин. Папа Григорий VII в фокусе внимания Ф. М. Достоевского
(к вопросу о персонификации «римской идеи»)

The Anti-Catholic Layer of F. M. Dostoevsky’s Novel ‘Demons.’] *Neofilologia*, no. 35, 2023, pp. 573–582. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-3-573-582> (In Russ.)

Beauchamp, Gorman. “‘The Legend of the Grand Inquisitor’: The Utopian as Sadist.” *Humanita*, no. 20 (1, 2), 2007, pp. 125–151. (In English)